

УДК 343.1:343.9
DOI 10.36511/2078-5356-2019-4-176-180

Лубин Александр Федорович
Alexander F. Lubin

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law), professor, professor of the department of criminology
Nizhny Novgorod Academy of the ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: ale-lubin@yandex.ru

Лубин Сергей Александрович
Sergey A. Lubin

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), associate professor of criminology
Nizhny Novgorod Academy of the ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: lubin.s@yandex.ru

Использование специальных знаний при расследовании преступлений: формы и функции

Use of special knowledge in the investigation of crimes: forms and functions

В данной статье рассматриваются формы использования специальных знаний, а также раскрыто содержание основных функций специалиста и эксперта при расследовании преступлений. При этом сформулирован ряд теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на активизацию и результативность взаимодействия субъектов расследования преступлений.

Ключевые слова: расследование преступления, специальные знания, доказательства, процессуальные действия, следообразование, информация.

This article discusses the forms of using special knowledge, and also discloses the contents of the main functions of a specialist and expert in investigating crimes. At the same time, a number of theoretical provisions and practical recommendations have been formulated aimed at enhancing and the effectiveness of the interaction of subjects of crime investigation.

Keywords: crime investigation, special knowledge, evidence, legal proceedings, trace formation, information.

Недостатки в использовании специальных знаний при расследовании преступлений определяются несколькими факторами:

— во-первых, очевиден низкий уровень специальных знаний у оперативных сотрудников полиции и следователей (дознавателей), где первые не всегда способны своевременно выявить преступления, а вторые — собрать необходимые доказательства по уголовному делу;

— во-вторых, формы и активность взаимодействия субъектов расследования со специалистами и экспертами не отвечает современным научным представлениям и реальным возможностям;

— в-третьих, содержание функций и специалистов и экспертов далеко не всегда направлено на формирование и представление системы доказательств для принятия законных и обоснованных процессуальных решений.

© Лубин А.Ф., Лубин С.А., 2019

В результате анализа доступной нам литературы и действующего законодательства мы хотели бы считать более или менее исчерпывающим перечень форм использования специальных знаний при расследовании преступлений экономической направленности:

- 1) непосредственно оперуполномоченным в ходе документирования механизма преступления;
- 2) непосредственно дознавателем (лицом, производящим дознание);
- 3) непосредственно следователем;
- 4) непосредственно судом;
- 5) путем получения письменных справок специалистов;
- 6) путем устных консультаций у специалистов;
- 6) путем привлечения специалистов для участия в оперативно-разыскных мероприятиях;
- 7) путем привлечения специалистов для участия в следственных действиях;
- 8) путем ревизии;
- 9) путем инвентаризации;
- 10) путем документальной проверки;
- 11) путем назначения исследования и получения заключения специалиста;
- 12) путем допроса специалиста;
- 13) путем производства экспертизы;
- 14) путем допроса эксперта.

Английский критик и поэт Сэмюэл Джонсон (1740—1795) сформулировал закономерность: «Истинная цена помощи всегда зависит от того, каким образом — в какой форме — ее оказывают» [1, цит. по: с. 78]. М.К. Каминский уточняет, что существует «изменяемость формы при неизменности содержания» [2, с. 28]. Известно, однако, что сама форма содержания специальностей, меняется и содержание помощи специалистов и экспертов. Но при этом любая форма использования специальных знаний связана, на наш взгляд, с выполнением определенных функций: 1) поисковой функции; 2) функции фиксации; 3) исследовательской функции; 4) диагностической функции; 5) функции моделирования.

Если формы использования специальных знаний весьма отчетливы, то перечисленные функции выделены достаточно условно. В реальной деятельности они трудноразличимы (синкретичны, слитны). Но и формы и функции объединяет одно — они должны быть направлены на доказывание: собирание, проверку, оценку и представление доказательств.

Поисковую функцию специалиста и эксперта можно определить как деятельность, на-

правленную на установление материальных объектов — носителей информации — следов и вещественных доказательств: рукописей, фотоснимков, документов, предметов, микрочастиц и т. п. [3, с. 37]. «Лишь после того, как объекты — носители информации — установлены, создается возможность их фиксации, исключения, исследования с целью получения, переработки, проверки, передачи и использования данных, что в них содержатся» [4, с. 56]. Р.С. Белкин отмечает: «Установление доказательств — это их поиск, выявление, обращение внимания на те или другие фактические данные, которые имеют доказательное значение... собирать можно лишь установленные доказательства, которые стали известны лицу, кто их собирает» [5, с. 97]. А.И. Басалаев пишет: «Для раскрытия преступления и изобличения виновного в одних случаях достаточно традиционного отношения к источникам доказательств, а в других — появляется острая необходимость более глубокого изучения возможностей получения доказательственной информации...: для установления новых источников доказательств (свидетелей, следов, документов и др.) необходимо располагать определенной информацией, позволяющей производить какие-то действия по их розыску. Эта информация содержится прежде всего в материальных источниках — в следах в широком смысле, вещественных доказательствах, последствиях и источниках справочной информации» [6, с. 5].

Другой функцией специалистов и экспертов выступает функция фиксации доказательственной информации, заключенной в следах, которые всегда должны находить свое отражение в протоколах следственных действий, в рапортах, актах и справках о ходе и результатах оперативно-разыскных мероприятий, но так же и в приложениях к этим документам (например, фотоснимках, видеозаписях, схемах, слайд-фильмах, планах, слепках и др.). В самом же протоколе (акте, справке, рапорте) должны быть указаны условия, время, место и способ фиксации. А иначе это лишь вспомогательная (оперативно-тактическая) информация. Она может содержаться в пояснительной записке специалиста либо в информационно-поисковой карте, либо в порядке консультации.

Деятельность по фиксации, которую осуществляет специалист и эксперт, представляет собой процедуру из перекодирования информации и представления ее в виде другого кода [7, с. 91]. Данная функция находит свое проявление в реализации задач:

— перевода информации в иную форму, которая соответствует ситуации расследования (например, составление субъективного портрета разыскиваемого лица);

— сохранения информации;

— обеспечения многоразового использования информации;

— формирования доказательственной базы, которая может быть достаточна для принятия тактических и процессуальных решений;

— отображения конкретных условий для определения этой информации, допустимой в качестве доказательств.

Следующая функция — исследовательская. Под данной функцией специалиста и эксперта нужно понимать деятельность, нацеленную на получение доказательственной информации. Методы выявления, фиксации и исследования отображений не могут рассматриваться как чисто технические приемы. «Исследование источника представляет собой декодирование исходного сообщения, содержащегося в следе, по правилам использованного кода... В результате, — пишет В.Я. Колдин, — субъект доказывания (адресат сообщения) получает фактические данные об исследуемом событии: объектах, механизме, условиях следообразования. Указанные фактические данные при условии их получения в режиме процессуального доказывания являются доказательствами и могут быть использованы для установления доказательственных фактов» [8, с. 5—6]. Их конечной целью является получение фактических данных, используемых для формирования системы доказательств по уголовному делу.

Определение содержания исследовательской функции специалиста и эксперта дает возможность перейти к следующей функции — диагностической. Данную функцию можно определить как деятельность, направленную на реализацию диагностических задач, соединенных с установлением механизма события, взаиморасположения или связи объектов материальной обстановки места происшествия или особенностей экономико-криминальной схемы [9].

Термин «диагностика» (лат. *diagnosis*) переводится как «распознавание», «различение», «определение». Каждый из этих терминов, не являющихся синонимами, способен охарактеризовать один из аспектов сложного процесса диагностирования. Таким образом, эта функция специалиста и эксперта заключается в решении трех главных задач:

— распознавание — установление подобных черт из ранее известных объектов;

— разграничение — установление на основе выделения, дифференциации устанавливаемого от ему подобного;

— определение — установление свойств, качеств и черт объекта.

Как правило, диагностическая функция специалиста и эксперта проявляется при выявлении, распознавании негативных обстоятельств (признаков инсценировки, маскировки, уничтожения следов преступления и пр.).

Диагностическая деятельность специалиста и эксперта охватывает реализацию задач, связанных с элементами моделирования. Моделирование находит свое проявление в виде отдельной функции. Под функцией моделирования специалиста и эксперта нужно понимать деятельность, направленную на получение отображений или воссоздание предметов, процессов, явлений или построения схемы развития любого явления или предмета, путем создания схематической, графической, компьютерной модели такого объекта. В процессе взаимодействия следователя (оперативного работника) со специалистами и экспертами, в частности для построения версий, их разработки и планирования проверки выдвинутых версий, используются консультации специалистов и экспертов в форме «мозгового штурма», «мозговой атаки», «индивидуальной оценки», «метода сценариев».

На всех этапах расследования преступлений между специалистом и следователем должен происходить постоянный обмен криминалистически значимой информацией. Такое взаимодействие наблюдается на нескольких уровнях. Специалист воспринимает и оценивает информацию на своем уровне и с позиции своих познаний. Следователь (дознатель, оперативный работник) оценивает эту информацию на другом уровне — уровне нормативном и правовом, а также на организационно-тактическом.

Поэтому логично сформулировать некоторые закономерные особенности взаимодействия следователя со специалистом. Во-первых, чем шире и глубже познавательная база (как результат такого взаимодействия), тем разнообразней выбор приемов доказывания. Во-вторых, уменьшается вероятность утечки информации о сборе сведений оперативными сотрудниками о конкретном преступлении и его расследовании. В-третьих, появляется возможность исключить необходимость обращения следователя (дознателя и оперативного работника) к разрозненным носителям информации. В-четвертых, полученная от специали-

ста информация позволяет принимать обоснованные организационные, процессуальные и тактические решения в ходе расследования преступлений.

При оценке того, выполнял ли специалист (эксперт) свои функции, нужно иметь в виду:

— использовал ли специалист (эксперт) комплекс не общеизвестных теоретических и иных знаний, умений и навыков, полученных им в результате профессиональной подготовки;

— достоверна и значима ли для доказывания информация, полученная с помощью специалиста (эксперта).

Так или иначе, использование специальных знаний при расследовании преступлений предполагает взаимодействие, первый и единственный признак которого состоит в том, что при решении комплексных вопросов сочетаются разные виды деятельности, причем результат как нечто целое оказывается больше суммы частей его (что и отличает категорию взаимодействия от понятий типа «взаимопомощь», «содействие», «координация» и др.). Суммированный (если не сказать, умноженный) результат недостижим для индивидуальной работы каждой из сторон взаимодействия. Недостижим принципиально потому, что каждый участник этого особого и наиболее сложного типа кооперации применяет в своей работе такие приемы, методы и средства, которые недоступны любому другому партнеру по взаимодействию. В противном случае можно говорить лишь о разделении труда, то есть об организационном эффекте. «Эффект взаимодействия» возникает тогда, когда взаимодействующие стороны для решения общей задачи используют различные приемы, способы, средства и методы индивидуальной работы. Так, оперативные исследования вещественных источников доказательств с целью установления способа хищения проводят специалисты (химики, физики, биологи, криминалисты), и в то же время с той же целью и в отношении этих же объектов проводит комплекс оперативно-разыскных мероприятий оперативный работник, производит следственные действияследователь (дознаватель).

Но тут сохраняется силу закономерность: любой вид следов-отображений (показания живых людей, документы, предметы и вещества) могут служить объектами комплексного исследования. Например, товарно-транспортные накладные могут содержать (и содержат) различные по характеру информационные «поля» (даются в порядке очередности их изучения): дактилоскопическое, товароведческое, бухгал-

терское, технологическое, графическое, трасологическое, физико-химическое и химико-биологическое.

Предметом взаимодействия практически выступает не комплексный вопрос вообще, а задача, состоящая из комплекса обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе расследования. Иными словами, должна существовать необходимость установить доказательственный факт посредством взаимодействия со специалистами и экспертами. В противном случае взаимодействие будет лишь формой без содержания и цели. Практика, к сожалению, дает немало примеров формального взаимодействия. Скажем, когда ревизии и экспертизы назначают, руководствуясь не действительной необходимостью решить конкретные исходные или промежуточные вопросы доказывания, а со ссылкой на «требования прокурора», на аналогию, в основе которой — «смутный прецедент».

Закономерно, что следователь, обладающий максимальным процессуальным и организационным статусом, должен являться формальным и фактическим руководителем процесса взаимодействия со специалистами и экспертами. Именно он должен: 1) разрушать застарелую психологическую установку: делать минимум возможного, ибо «каждый несет свой чемодан»; 2) создавать «новую психологию» отношений, например: специалисты и эксперты необходимы и их суждения весомы; 3) не мешать рассуждениям и не препятствовать изложению мнений «ведомой» стороны (в противном случае она не сделает и того, что сделать обязана); 4) не «заглядывать через плечо» и не забегать вперед: преждевременность сделанных выводов не стимулирует творчества других; 5) не быть прямолинейным «апостолом истины» и не требовать от специалистов и экспертов «окончательных истин в последней инстанции».

Примечания

1. Босуэлл Дж. Жизнь Сэмюэля Джонсона. М.: «Текст», 2003.
2. Каминский М.К. Введение в криминалистику и криминалистическое образование: лекция. Ижевск: Jusest, 2014.
3. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: в 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1978.
4. Руководство по расследованию преступлений: учебное пособие / рук. авт. кол. А.В. Гриненко. М.: НОРМА, 2002.
5. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Изд.-во БЕК, 1997.

6. Басалаев А.И. Сохранение информации, содержащейся в следах. Л., 1981.

7. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М.: Право и закон, 2001.

8. Вещественные доказательства: информационные технологии процессуального доказывания / под общ. ред. В.Я. Колдина. М., 2002.

9. Снетков В.А. Криминалистическая диагностика в деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России по применению экспертно-криминалистических методов и средств: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1998.

References

1. Boswell J. The Life Of Samuel Johnson. Moscow: «Text» Publ., 2003. (In Russ.)

2. Kaminsky M.K. Introduction to criminalistics and forensic education: lecture. Izhevsk: Jusest Publ., 2014. (In Russ.)

3. Belkin R.S. Course of Soviet criminology: in 3 vol. Vol. 2. Private forensic theories. Moscow: Jurist Publ., 1978. (In Russ.)

4. Crime investigation manual: manual / manual ed. count A.V. Grinenko. Moscow: NORMA Publ., 2002. (In Russ.)

5. Belkin R.S. Criminalistics encyclopedia. Moscow: BECK Publ., 1997. (In Russ.)

6. Basalaev A.I. Preservation of information contained in the traces. Leningrad, 1981. (In Russ.)

7. Rossinskaya E.R., Usov A.I. Forensic computer-technical expertise. Moscow: Right and law Publ., 2001. (In Russ.)

8. Material evidence: information technologies of procedural proof / ed. V.Ya. Koldin. Moscow, 2002. (In Russ.)

9. Snetkov V.A. Forensic diagnostics in the activities of forensic units of the Ministry of internal Affairs of Russia on the use of forensic methods and tools: textbook. Moscow: ECC of the Ministry of internal Affairs of Russia, 1998. (In Russ.)